

полную и точную картину племенного состава Старшего жуза (куда входили племена дулат, албан, суан, сэры-уйсун, сргели, нсты, ошакты, чапрашты, чанышклы или катаган, кангла, жалаир) и его эволюцию к концу XIX — началу XX в. В целом описание родо-племенного состава Старшего жуза очень ценное и при всей спорности привлекаемых источников очень важно. Так как большинство племен и родов Старшего жуза существовало задолго до его образования и каждый имел многовековую историю, вопрос об их географическом расселении авторами опущен. Это же можно сказать и в отношении племен Младшего жуза. В то же время для Среднего жуза границы расселения племен и родов, входящих в него, указываются вполне определенно, но нигде не сказано, к какому хронологическому периоду следует их отнести и на данных каких источников основываются авторы. Ссылки на Сибирские летописи XV—XVI вв. и на материалы рекогносцировочных съемок, сделанных в XIX в. офицерами Генерального штаба, хронологически несопоставимы, а границы расселения до присоединения Казахстана к России и позже резко отличаются. Авторы ссылаются на картографический материал, схемы и сведения других ученых, указывая при этом, что эти источники требуют к себе осторожного, критического отношения, серьезного анализа и его проверки. В то же время из поля зрения авторов выпали важнейшие политико-административные изменения, происшедшие в Казахстане в XIX в. на основании законодательных актов 1822, 1824, 1838, 1844, 1868 и 1891 гг., которые внесли кардинальные изменения в политическую организацию казахского общества. А ведь меняющаяся сетка административного деления имела прямую связь с расселением казахских племен. Введение внутренней и внешней дистанчной системы в Младшем жузе так же, как и областной и волостной системы в Среднем жузе, нарушили исконные маршруты кочевников из-за регламентации региона кочевков внутри только что определенной административной единицы. Кстати, этот процесс усиливался в связи с колонизацией Казахстана и переселенческой политикой царского правительства. Именно это вызвало изменения в районах кочевания.

В книге очень тщательно, в основном на полевых материалах прослеживается генеалогическая структура. Составлен ряд интересных схем и таблиц. К ним можно отнести таблицу родословной структуры адаев (стр. 88), родословной племен Старшего жуза (стр. 26—27) и наиболее крупных родовых объединений (стр. 45, 47, 61, 67, 72, 75, 77 и др.).

К достоинствам монографии следует отнести разработку тамговых знаков по всем трем жузам.

В ряде случаев достаточно подробно прослеживается иммиграция племен в период, предшествовавший присоединению Казахстана к России. В этом отношении заслуживает внимания разработка маршрута миграции племени керей из Среднего жуза в Старший, а затем окончательное закрепление этого племени на территории Младшего жуза. В то же время это не сделано для таких племен Младшего жуза, как чумекей, байбакты, маскар. Ссылаясь на то, что Букеевская орда есть часть отделившихся племен Младшего жуза, авторы правомерно отмечают появление в числе родов Букеевской орды новых родовых подразделений. Но надо помнить, что маршруты кочевания казахов Букеевской орды не были постоянными в продолжение всего XIX в. К сожалению, авторы не использовали имеющийся архивный материал по этому вопросу (ЦГА КазССР, ф. 4).

Дореволюционные ученые исследовали только основные подразделения казахов: жуз, племя, род, подрод (отделение). Между тем у казахов существовала очень сложная градация подразделений на различные группы. Желательно было бы, чтобы в дальнейшей своей работе авторы продолжили изучение не только главных (жуз, племя, род), но и более мелких родовых подразделений.

В заключение отметим, что монография В. В. Вострова и М. С. Муканова, впервые обобщившая и научно объяснившая многочисленные материалы по истории происхождения казахских племен и родов и их расселения, является шагом вперед на пути изучения проблем этногенеза казахского народа, сложения единого казахского языка, национальной культуры, а также связи казахов с русским народом и соседними тюркскими народами.

В. Я. Басин, Н. Е. Бекмаханова

Б. Тилавов. *Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок*. Душанбе, 1967, 122 стр.

Работа Б. Тилавова «Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок» представляет собой заметное явление в развитии таджикской фольклористики.

Пословицы и поговорки издавна занимали особое место среди жанров как таджикского, так и персидского фольклора. Общее пренебрежение, с которым знатоки и ценители старой персидско-таджикской литературы на протяжении веков относились к народным произведениям, не коснулось пословичного творчества народа. В течение столетий народные пословицы находились в теснейшем взаимодействии с письменной литературой, прежде всего поэзией, образуя подвижные взаимообогащающие связи с изре-

чениями книжного происхождения: поэтическими афоризмами, суфийскими дидактическими сентенциями, выражениями, оторвавшимися от басенного и притчевого контекста. Уже ранние из дошедших до нас памятников средневековой персидско-таджикской литературы (X в.) фиксируют народные пословицы и поговорки. С середины XVII в., когда были составлены два крупных сборника персидско-таджикских пословиц и поговорок, началось их собирание, принявшее в XIX в. систематический, а с 1930-х годов и научный характер.

В настоящее время в Таджикистане накоплен и опубликован большой документированный, в ряде случаев научно систематизированный материал по пословичному творчеству таджиков. Изучение же таджикских пословиц было начато только в последние годы. Б. Тилавов, скромно представляющий читателю свою книгу как первые шаги в монографическом освещении таджикских пословиц, дал целостное исследование, в котором впервые коснулся широкого круга специальных вопросов, выходящих за рамки, обозначенные в заглавии книги.

Б. Тилавов учитывает весь опромный накопленный материал по таджикским и персидским пословицам: около ста сборников и частных публикаций; два крупных неизданных собрания, хранящихся в фонде восточных рукописей Академии наук Таджикистана и в рукописном фонде Института языка и литературы имени Рудаки; свыше пятисот таджикских народных пословиц, собственноручно записанных автором у выходцев из крестьянской среды в Пенджикенте, Самарканде и Душанбе. Столь широкий учет материала позволяет Б. Тилавову высказать ряд полезных соображений о классификации пословиц (глава III, стр. 29—48).

Проведенная автором научная классификация таджикских пословиц и поговорок по историческому и тематическому принципам показывает перспективность такого рода работы. Выявленные при этом отличия по месту, времени, социальным признакам и источникам происхождения (заимствования из письменной литературы, вариации афоризмов видных деятелей, заимствования из фольклора других народов) могут дать в руки исследователей богатый быто- и нравоописательный материал.

Весьма любопытны выявленные Б. Тилавовым отличия между живыми пословицами и поговорками южных районов Таджикистана, созданными в основном в крестьянской среде, и пословицами и поговорками северных районов (Фергана, Зеравшан), в которых, как показывает автор, больше отражается городская жизнь, сильнее влияние узбекского и русского фольклора; прозаические пословицы и поговорки, популярные в северном Таджикистане, совсем не характерны для южного.

Дробная тематическая классификация пословиц дает возможность получить ценную информацию о философско-этических воззрениях, общественном строе и идеологии классово-борьбы, семейном укладе и обычаях, развитии материальной культуры и т. п., т. е. о многих наиболее характерных сторонах национальной истории народа.

Хорошо аргументирована и точка зрения Тилавова на соотношение двух терминов — *зарбулмасал* и *мақол*, которыми ныне в таджикском фольклоре определяют пословицы и поговорки. Он не разделяет вместе с В. Асрори существующего мнения, сложившегося, видимо, благодаря аналогии с особенностями русского фольклора, что *зарбулмасал* — это пословицы (т. е. средство доказательства, законченное суждение), а *мақол* — поговорки (главным образом средство показа, отличающееся незавершенностью умозаключения). Б. Тилавов показывает явную непоследовательность в подобном употреблении терминов и дает оригинальное, заслуживающее внимания, их толкование (глава II, стр. 24—28). По его мнению, *зарбулмасал* (ар. *зарб ал-масал*) — буквально «удар пословицей» — подразумевает приведение иносказания в речи, которое может быть и пословицей (например, *Аз чумчук тарси, арзан накор* — «Воробья боньсья, проса не сей»), и поговоркой (например, *Аз болои шутур алаф медаравад* — «Косит траву [сидя] на верблюде»). Особенность *мақол* (от арх. *кавл* — реченье, слово) — в прямом выражении мысли, обычно без иносказания; суждение здесь может иметь вполне законченную форму: *Хазор дўст кам аст, як душман бисъёр* («Тысяча друзей — мало, один враг — много»), *Дўстон — оинай яқдигаранд* («Друзья — друг другу зеркало»).

Заслугой автора является и библиографический указатель, приложенный к книге (330 названий работ на русском, таджикском, арабском, персидском, татарском, узбекском и других языках, в том числе 94 названия публикаций таджикских и персидских пословиц и поговорок). Критический обзор публикаций дан во ввводном очерке (стр. 7—14), где автор характеризует более 30 крупнейших сборников. Исчерпывающая полнота и четкая систематизация библиографического раздела книги делает его самостоятельным полезным пособием для широкого круга фольклористов.

Однако главная ценность работы Б. Тилавова заключается в художественном анализе таджикских пословиц и поговорок. Автор шел здесь еще непроторенными путями. Поэтическая форма пословиц и поговорок изучена очень мало. О поэтических особенностях таджикских и персидских пословиц, если не считать беглых замечаний В. Асрори, З. Вохидова, М. Шаки, Р. Амонова, не написано ничего.

Б. Тилавов проводит художественный анализ таджикских пословиц в трех аспектах: основные художественные приемы, формально-поэтические средства выразительности и лексико-грамматические особенности.

Отмечая, что таджикские пословицы сложены преимущественно в стихотворной форме, Б. Тилавов подходит к их рассмотрению как к своеобразному жанру народной

ии. Первостепенный интерес представляет раздел, посвященный ритмической и звуковой организации таджикских пословиц. Проведенный анализ выявил богатство метры; при явном преобладании количественной метрической системы (аруз) и силлабической, Тилавов нашел в пословицах метры, близкие к силлабическим и тоническим. Собственно народные пословицы, написанные арузом, как показывает автор, отеют к самым простым, преимущественно исконно иранским размерам: рамалю, аккарибу, рубан. Тилавов прослеживает также своеобразие рифмовки в пословице, не зависящей от графики и носящей исключительно звуковой характер, приемы ифа (рефрена), аллитерации и консонанса. Этот небольшой раздел (стр. 62—74) представляет собой новое слово в таджикской фольклористике, а может быть, и в анском литературоведении.

Особыми художественными приемами, широко применяемыми в народных пословицах, Б. Тилавов считает поэтический образ, эпитет, сравнение, метафору, олицетворение, гиперболу, иронию, параллелизм, детально рассматривая каждый из этих приемов. Здесь мы также обязаны автору многими интересными наблюдениями. Тилавов показывает, что естественное, как сама природа, поэтическое мастерство народа закономерно образом проявилось и в выборе литературно-художественных средств.

Образ, составляющий центральный элемент пословичной поэтики, носит чистый, конкретный, зримый характер. Застывшие образы, столь характерные для других литературных жанров, так же как и неизменно повторяющиеся эпитеты типа *ахи тобон* (ясный месяц), *сарви равон* (стройный кипарис), почти не встречаются в народных пословицах. Стремление к максимальному лаконизму, заложенное в самой специфике пословичного жанра, обуславливает употребление неполных сравнений: называется только предмет и образ с опущением признака сравнения и связующего слова, например: *Ба ош пайша нашав* — «Не будь мухой над пищей». Пословица избегает употребления сложных метафор (*истиораи пйшида*) типа *пои ақл* («нога разума»), *ласти сабр* («рука терпения»), как и вообще чисто риторических фигур (*санъатҳои мтизом*), выработанных классической риторикой персидско-таджикского стиха в целях нарочитой демонстрации версификаторского техницизма.

Работа Б. Тилавова насыщена иллюстративным материалом; пословицы, подкрепляющие авторское изложение, сопровождаются толкованием, русским переводом и часто эквивалентом. Все это делает книгу полезной для многих специалистов по иноязычному фольклору.

З. Н. Ворожейкина

«Орочские сказки и мифы» (составители — В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева). Новосибирск, 1966, 233 стр.

Рецензируемая книга — начало трилогии, задуманной авторами. Во второй том войдут остальные фольклорные материалы по орочам вместе с орочско-русским словарем, а третий том должен представлять собой монографию, посвященную фонетике и грамматике орочского языка. В ней, как указывают авторы, будет сделана попытка решить вопрос о месте орочского языка среди генетически родственных ему тунгусо-маньчжурских языков (стр. 3).

Перед нами фактически первая научная публикация фольклора орочей — одного из интереснейших малых народов Дальнего Востока. Орочей всего около 500 чел. В основном они сосредоточены в бассейне р. Тумнин в Советском районе Хабаровского края. По характеру традиционной культуры орочи — пешие охотники и рыболовы. Ныне они работают в кооперативно-промысловых хозяйствах, рыболовецких колхозах и различных учреждениях.

По вопросу о происхождении орочей нет единой точки зрения. Поэтому публикация орочского фольклора представляется важной не только для лингвистов, но также для историков и этнографов: это новый и притом достаточно достоверный, документированный источник истории бесписьменного народа.

До В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой сборником и публикацией орочского фольклора мало кто занимался. Три небольших текста на орочском языке были в свое время приложены к статье В. И. Цинциус «Очерк морфологии орочского языка»¹; шесть сказок, пять молитв и одно шаманское заклинание, переведенные с орочского на английский, были опубликованы в 1957 г. в Швейцарии И. А. Лопатиным, сделавшим свои записи в 1924 г. Несовершенство самой записи и неточности перевода лишают эту публикацию научной значимости.

Рецензируемая книга состоит из предисловия и введения, справки о транскрипции орочского языка, самих фольклорных текстов, комментариев к ним, а также сведений о текстах и сказителях. Фольклорный материал разбит на восемь разделов: сказки о животных, бытовые сказки, героические сказки, родовые мифы и представления, тоте-

¹ «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1949, № 98.